«спешит» — у Пастернака «рвется». У Пастернака enjambement выпячен,— у Сидорова едва намечен:

Вот, в скромные одежды облеченный
Уже спешит к богослуженью он ⟨...⟩ (Сидоров)

Чуть пробудясь, едва одевшись, еле
Оправясь, он из кельи рвется вон ⟨...⟩ (Пастернак)

Сидоров добросовестно сообщает: «Но заперта пред ним из кельи дверца» — Пастернак создает динамичную картину: «Трясет дверьми и видит: — на засове».

Пастернак стремится не рассказать, а где только можно позволить читателю перевода увидеть, услышать, осязать, обонять, ощущать на вкус — так же, как в собственной лирике и прозе, он обращается к непосредственному чувственному восприятию читателя. Он заботится о яркости, звонкости, вещности, аромате образов. А для этого он последователен в употреблении обыденной, разговорной, если надо, то и сниженной, просторечной лексики последователен в имитации разговорного, причем весьма экспрессивного, синтаксиса. Если надо, ради этих принципиальных установок Пастернак легко жертвует внешней близостью к оригиналу.

Еще до перевода «Тайн» Пастернак напечатал «Маргариту» и «Мефистофеля» — две замечательные вариации на темы «Фауста» Гёте (менее ясна природа стихотворения «Любовь Фауста», поэтом не опубликованного). Эти произведения справедливо рассматриваются как важные вехи на пути постижения Пастернаком фаустовского мира Гёте [3, с. 491—494]. Вскоре Пастернак в переписке с Цветаевой подробно обсуждал план совместного перевода трагедии Гёте [3, с. 498]. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что к переводу «Фауста», как и к «Доктору Живаго», Пастернак шел всю свою творческую жизнь.

Начнем с примеров. Сцену «Studierzimmer. I» Гёте начинает четырехстопным ямбом:

Verlassen hab' ich Feld und Auen,
Die eine tiefe Nacht bedeckt,
Mit ahnungsvollem, heil'gem Grauen
In uns die besre Seele weckt [14, S. 38].

Четырехстопный ямб Гёте Пастернак передает четырехстопным ямбом же русским:

Оставил я поля и горы,
Окутанные тьмой ночной.
Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной [15, с. 84].

Так же переведены следующие четыре стиха. Однако далее метр меняется. «Фауст» Гёте — произведение полиметрическое, причем метрика его необыкновенно сложна и прихотлива (об этом мы еще скажем). Полиметричны почти все сцены, особенно в пределах части первой. Полиметрична и большая часть монологов и диалогов каждой сцены. Смена размеров — один из постоянных, значительных приемов немецкого поэта. И после восьми стихов четырехстопного ямба Гёте переходит совсем на другой стих:

Sei ruhig, Pudel! renne nicht hin und wieder!
An der Schwelle was schnoperst du hier?
Lege dich hinter den Ofen nieder,
Mein bestes Kissen geb' ich dir.
Wie du drausen auf dem bergigen Wege
Durch Rennen und Springen ergest uns hast,
So nimm nun auch von mir die Pflege,
Als ein willkommner stiller Gast [14, S. 38].